

УДК (390)

МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДРЕВНОСТИ И ОБРЯД ОСЕТИНСКОГО КУВДА

А.Л. Чибиров*

А.Л. Чибиров

Аннотация: В данной статье озвучивается новая интерпретация значения осетинской обрядовой церемонии Кувд. Со ссылкой на известных осетинских ученых-этнографов В.И. Абаева, В.С. Уарзиати анализируется сакральное значение церемонии Кувда, рассматриваются возможные параллели в других религиях, в частности в Зороастризме. Чисто внешне современное осетинское обрядовое пиршество Кувд – это отражение древнего мистического действия. Кувд – молитва, составляющая Кувда – обрядового пиршества, как правило, с жертвоприношением, – это видоизмененный временем шаманский ритуал, первичная, архаичная суть которого сохранилась в самом названии – «Кувд-моление», целью которого было вхождение в «измененное состояние сознания» для получения «мистического опыта».

Ключевые слова: Кувд, Заратустра, Авеста, Хаома, Геродот, скифы, андрогинность, Нартиада, Урузмаг, ронг, симд.

Исследуя вопросы космогонии, а также ее взаимосвязь с мифом и традициями, историк религии М. Элиаде в своей работе «Аспекты мифа» отмечал: «Космогония есть модель для подражания в любой области: не только потому, что Космос является идеальным архетипом одновременно для всех творческих ситуаций и для любого творчества, – но также и потому, что Космос – это божественное творение; он освящен в самой своей структуре. В расширительном смысле все, что есть совершенного, наполненного, гармоничного, плодоносного, одним словом: все, что есть «космизированного», все, что похоже на Космос – все священно. Делать что-либо, творить, конструировать, созидать, организовывать, придавать форму, воплощать, формировать – все это значит осуществлять что-нибудь в реальности, придавать жизнь чему-то, и в конечном итоге сделать это нечто подобным самому гармоничному организму – Космосу. Итак, повторим, Космос есть образцовое творение Бога, его шедевр» [1].

Согласно одному из индийских космогонических мифов Вселенная развивается циклически, когда периоды созидания сменяются периодами разрушения. У истоков этих процессов стоят три бога: Вишну, Брахма и Шива, которые составляют так называемую Тримурти – индуистскую триаду. Вишну спит, лежа на змее Ананта, который символизирует Бесконечность. Ананта покоится в океане Бессознательного. Из пупка Вишну прорастает лотос, в котором находится пробуждающийся Брахма. Когда Брахма открывает глаза, возникает Вселенная. Эта Вселенная – сон Вишну. Вишну снится мир, который он знал, и на основе его видений Брахма создает материю и жизнь. Но этот мир не совершенен, и тогда Шива начинает танцевать, чтобы уничтожить его и дать

возможность возродиться вновь. Когда Брахма закрывает глаза, чтобы снова заснуть, все разрушается. Подобные мифы «рождения и умирания» Вселенной мы можем наблюдать у многих народов. Вполне возможно, что космогония есть не что иное, как модель возрождения мира в случае его разрушения.

Космогонический миф у осетин неразрывно связан прежде всего с Нартиадой. Системность космогонических представлений составляют в комплексе «модель мира» культуры носителей нартовской эпической традиции. Рассматривая космогонию эпоса, мы можем говорить о двух пространственных моделях: вертикальной и горизонтальной. Коротко говоря, вертикальная включает в себя взаимоотношения Нартов с небесным пантеоном, во главе которого находится **хуыцæутты** Хуыцау (Бог богов), а горизонтальная модель строится на взаимоотношениях Нартов с окружающим миром. Согласно космогоническим представлениям осетин временной континуум Нартов охватывает период от эпохи первотворения до «разрыва» с небожителями, перехода Нартов от мифического времени в историческое, уничтожение всех существ мифического времени (**уадмертæ**, **гуымиртæ**, **уæйгуытæ**) и превращение хаоса в космос [2].

В этой статье мы коснемся одного из важнейших элементов осетинской космогонии, каковым является понятие «Кувд». Так что же такое Кувд и почему в космогоническом контексте мы выделяем именно этот термин, объединяющий в себе, казалось бы, совершенно взаимоисключающие понятия? Согласно определению известного этнографа В. Уарзиати Кувдом называется обрядовое пиршество с жертвоприношением, которое принадлежало к важнейшим учреждениям общественной жизни осетин [3]. Этот религиозно-

* Чибиров Алексей Людвигович – к. и. н., н. с. отдела источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, г. Владикавказ (chibiroff@mail.ru).

культурный термин также означает такое важное понятие духовной жизни осетин, как молитва. Руководил церемонией Кувда **кувæг**. В.И. Абаев определяет термин «кувæг» как богомолец [4]. В данном контексте было бы не лишним использовать и термин «жрец». Наша трактовка термина такова: Кувд – молитва, составляющая Кувда – обрядового пиршества, как правило, с жертвоприношением, – это видоизмененный временем шаманский ритуал, первичная, архаичная суть (идея) которого сохранилась в самом названии – «Кувд-моление», целью которого было вхождение в «измененное состояние сознания» для получения «мистического опыта». Нарты устраивали общий пир (Кувд) в ритуальном большом доме и для них это действие становилось высшим священнодействием, важнейшим культовым актом общественной жизни. Рассматривая формы вербального контакта между **кувæг**-жрецом и паствой как способ обучающего общения, А. Чочиев пишет: «Ас-аланское «моление kuvd» есть «выполнение общественного ритуала – kubh» индоевропейской эпохи» [5]. Далее по тексту следует довольно стройное и интересное описание структуры Кувда, с указанием роли каждого участника обряда, начиная с трех **xistaertæ**, которые ведут церемонию «моления-пира», распределяют жертвенные доли и, согласно веками отточенному церемониалу, свершают Кувд – то есть «исполняют общественный ритуал» приобщения к Истине». В. Уарзиати отмечал, что «молитвословия (во время Кувда. – **А.Ч.**) являются образцом вербальной магии и строятся по определенному плану» [3, 166]. И далее: «Сохранению их (текстов Кувда – молитвословия. – **А.Ч.**) способствует длительное бытование того мнения, что слово в сакральной формуле насыщено магической силой. Ее произнесение, по мнению древних, должно сопровождаться желаемым результатом» [3, 174].

В современной трактовке истории как науки всегда присутствовал незримый конфликт между «мистическим» опытом и научным исследованием. Однако необходимо учесть, что то, что мы сегодня называем терминами «шаманизм», «магия», для древних было нечто исключительно важным, сопоставимым по значимости с современной наукой. Наука с явным предубеждением относится к таким понятиям как «шаманизм», «растения – учителя», «измененное состояние сознания», и, тем не менее, не представляется возможным найти объяснение многим явлениям в мировой культуре, особенно мифологии, не прибегая к подобной терминологии.

Именно с этой точки зрения в стройной ло-

гической цепочке, выстроенной А. Чочиевым и В. Уарзиати, на наш взгляд, не хватает одного важного звена. Не могло быть снисхождения на жреца-**кувæга** мистического откровения свыше просто так. Это состояние достигалось или долгими усердными молитвами в одиночестве (отшельничестве), воздержанием, постом или же массовым приемом некоего психоактивного вещества, позволявшего участникам церемонии войти в «измененное состояние сознания». К примеру, при совершении похоронных церемониалов в качестве экстатического средства скифы широко применяли коноплю. Геродот описывал крытые войлоком кумирни с раскаленными камнями в центре шалаша. На них жрецы бросали зерна конопли и получали в облаках опьяняющего дыма экстаз, в котором вступали в контакт с духами и душами умерших. Геродот, не понимавший религиозной природы действия, писал, что дым делал их «столь счастливыми, что они выли от радости» [6]. Германцы готовили отвар из галлюциногенных грибов, который пили перед битвой, превращаясь в берсеркеров – неистовых разрушителей, одетых в медвежьи шкуры. В Ригведе и Зенд-Авесте мы встречаем упоминание о культовом напитке Сомы или Амрита. Приблизительно во втором тысячелетии до н. э. произошло отделение древнеиранских племен от древнеиндийских. В эту эпоху религиозные верования обеих племенных групп были сходны, как сходны были их языки, о чем упоминается в индийских Ведах. Именно оттуда, из Индии в Скифию и Ариану (Иран) пришла Хаома. И именно в Индии следует искать первоисточники Зороастризма – учения, изложенного в Авесте.

Основная идея Авесты – резкий дуализм светлого и темного начал в мире. Плутарх, в трактате «Об Исиде и Осирисе», ссылаясь на источники IV в. до н. э., приводит учение «Мага Зороастра», в котором говорится о богах «Ормазде, рожденном из самого чистого света» и «Ахримане, рожденном из мрака». В Зороастрийской космологии огромное значение имело солнце, и его связь с таким понятием, как Хварна-Хварэна (сравн. осет. Фарн. – **А.Ч.**) – небесная благодать, яркость, свет, одаренность. В иранской традиции Хварна, сияющая над священной горой, означает знак, возвещающий о Саошьянте, чудесном рождении Избавителя из рода Заратустры (сравн. с Вифлеемской звездой. – **А.Ч.**). Более того, в некоторых индийских текстах, к примеру в одной из глав полной редакции «Бундахишн» («Творение основ»), под понятием Хварна подразумевается душа. Совершенно противоположное психологическое состояние ассоцииро-

валось с не менее важным небесным объектом – луной. И это состояние зороастрийцы называли Хаома. Авеста подробно описывает небесное предсуществование пророка Заратустры. Он родился «посреди истории» и в «центре мироздания». Когда его мать получила Хварэну Заратустры, ее окружил великий свет. «Три ночи стены дома были как будто огненные» – гласит один из гимнов. В «Денкарте» («Деяния веры») говорится о том, что свет, исходивший от Заратустры за три дня до рождения (то есть в утробе матери), был настолько ярким, что освещал всю деревню. Это была Хварна – чистая духовность, которая выражалась через символику необычно яркого света [1, 358]. «Что же до вещества его тела, сотворенного на небесах, то оно выпало с дождем на землю и произвело растения, которые съели две телки, принадлежавшие его родителям; вещество перешло в молоко, которое, смешав с Хаомой, родители выпили и соединились в первый раз; так был зачат Заратуштра» – говорится далее в Авесте [6, с. 378].

Хаома – понятие многогранное. В Авесте это и бог, явившийся пророку Заратустре. Бог, которому в Ригведе соответствует Сома, имя которого, так же, как и Хаома, происходит от глагола «выжимать». Это и обожествленный галлюциногенный напиток, дарующий ощущение бессмертия, и трансцендентное состояние слияния со всем миром, а также само растение, из которого выжимают сок для приготовления Хаомы. Хаома – триединое божество. Часть скифов, которых персы называли Saka haumavarga, почитали Хаому (ср. осет. название хмеля – **хуымæллæг**. – **А.Ч.**). Согласно Авесте Хаома становится первым жрецом, восславившим небожителей. Торжественное жертвоприношение Хаомы – ясна гарантировало в церемониале Ахурамазды бессмертие для верующих, а также устойчивость миропорядка в космосе и обществе. Мифологическая энциклопедия описывает ритуалы, связанные с Хаомой, следующим образом: «Ясна начиналась жертвоприношением быка, затем Хаому растирали и смешивали с молоком. Полученный напиток бессмертия посвящался Ахурамазде. Момент смешения сока Хаомы с молоком символизировал чудесное явление в мир Заратустры. С последней в мировой истории ясной, которую сотворят саошьянты, мир вернется в изначальное совершенное состояние всеобщего бессмертия. Один из галлюциногенных эффектов Хаомы состоял в изменении (или даже «перевернутости») восприятия пространственно-временных и субъектно-объектных отношений. На мифологическом уровне этому могли соответствовать та-

кие парадоксы, как одновременное нахождение Хаомы на небе и на земле и особенно совмещение в Хаоме ипостасей бога (в частности, Митры – носителя и стража мирового закона), жреца, приносящего ему жертву, и самой жертвы (сравн. с трехфункциональной системой мифического нартовского общества, сказаний о Царциата, индийской тримурти, мифологии скифов, германцев, славян, триединство Бога в христианстве и т. д. – **А.Ч.**). Вместе с тем Заратуштра обращается к Хаоме и как к человеку» [7]. Хаома-бог был одним из «умирающе-воскресающих божеств», таких как Дионис, Адонис, Осирис, Христос (Ж. Дюмезиль трактовал образ нарта Сослана как солнечного мифического героя, как «умирающе-воскресающего бога» скифо-сарматской мифологии). Авеста гласит, что Хаома был расчленен другими божествами, из тела его приготовили божественный напиток бессмертия, который символизировал собой «спасительный акт космического жертвоприношения, в результате которого устанавливается вселенский порядок». Заратуштра восхваляет Хаому за то, что он, опьяняя, воодушевляет, дарует силу страсти, способность к обороне, здоровье, целительную силу, развитие, рост, мощь, распространяющуюся на все тело, знание. Благодаря этим дарам Заратуштра побеждает «вражду всех враждебных дэвов и смертных, волшебников и волшебниц, кавайских и карапанских властителей, и (вражду) лживых и двуногих лжеучителей, и (вражду) двуногих волков и четвероногих».

С возникновением Зороастризма центром маздеизма становится огненный алтарь (Когда Ахурамазда обратился к Заратустре как к «Благодной Мысли» и спросил: «На кого направишь ты свое поклонение?», тот ответил: «На твой огонь!», добавив: «Принося тебе свое благоговение, я желаю изо всей силы думать о Справедливости!» («Ясна» 43. 9) – **А.Ч.**). Согласно Заратустре жертвоприношение является основой теологической медитации. Заратуштра понимал эсхатологический огонь так, что, несмотря на свою карающую силу, он очищает и одухотворяет мир. М. Элиаде отмечает: «Ранний зороастризм, чьи контуры лишь намечены в гатах, первейшее значение придавал «мудрости», внутреннему «озарению», посещавшим человека в присутствии жертвенного огня» [6, 388]. Но согласно тому же Элиаде функция культа Ахурамазды была гораздо шире: «В одном из исследований высказано предположение, что посредством жертвоприношения исполняющий его священнослужитель приобретает состояние тага, т. е. испытывает экстаз, приносящий озарение. Во время этого

озарения ему удастся отделить свою духовную сущность от телесной природы; другими словами, он возвращается в состояние чистоты и невинности, которое предшествовало «смешению» этих двух сущностей. А смешение это произошло в результате нападения бога Тьмы Ахримана (на своего брата Ормадза. – **А.Ч.**). Таким образом, приносящий жертву вносит свой вклад в восстановление изначального состояния, в преобразование мира и в дело искупления, т. е. в работу, начатую парадигматическим священником Заратустрой. Можно даже сказать, что приносящий жертву уже пребывает в трансформированном мире. Состояние мага достигается главным образом жертвоприношением Хаомы – этого «напитка бессмертия», который жрец пьет во время церемонии. Хаома же богата Хварэной – священной жидкостью, горячей, светящейся, оживляющей и оплодотворяющей одновременно. Ахурамазда есть по преимуществу владелец Хварэны, но это божественное «пламя» извергается также из лба Митры и исходит от голов монархов, как свет от солнца. Однако своя Хварэна есть у любого человеческого существа, и в день трансфигурации, т. е. конечного Обновления, «великий свет, по видимости исходящий от тела, будет постоянно гореть на этой земле». Совершая ритуальный прием Хаомы, верующий выходит за пределы человеческого существования, приближается к Ахурамазде и предчувствует всеобщее Обновление».

В христианской культуре существует такое понятие, как «дары Волхвов». Согласно Библии новорожденному Христу Волхвы подарили ладан, смирну и золото. Неясно, кем были Волхвы. Некоторые источники считают их Магами, другие – царями с Востока, прямыми потомками сыновей ветхозаветного Ноя, мощи которых хранятся в Германии, в Кёльнском Соборе. В этом плане довольно символичны дары, которые они преподнесли новорожденному Мессии. Надо отметить, что ритуал богослужения в христианской церкви со времен церемоний в Иерусалимском Храме видоизменился незначительно, соответственно, курение ладана в кадилах при богослужении следует считать дохристианской традицией. Исследователь О. Гуцуляк считает, что состав смеси для курения в кадилах на богослужениях не всегда был столь безобиден, как сейчас: «Ладан – это высушенный сок растений рода Босвеллия. Отборный ладан – *Olibanum electum* и обыкновенный – *Olibanum in sortis*. Собственно же ладан – это совсем другое, это тинктура, настойка опия в алкоголе. Сначала ладан (опиум) имеет название *ladanum* или *ledanum*. Затем долевые

части опиума сокращаются за счет добавления ароматических масел, и в конце концов в кадилах кладут уже только *Olibanum* – и именно так его должны величать церковные словари. В дарах, поднесенных младенцу Иисусу тремя Волхвами, – золото, смирна и ладан. Причем смирна (мирра, *Balsamea Myrrha*) ничуть не менее подозрительна, поскольку известна в двух фракциях, одна из которых (жидкая, тинктура) переводится в церковнославянском словаре тоже как «ладан». Парацельс считал, что владеет панацеей, и писал: «Я владею тайным средством, которое называю «ладанум» и которое превосходит все прочие героические средства». Персональное курение смеси «*madak*» из целебного табака (*herba rapasea*) и опиума (*Ladanum*) позволяло не посещать церковь для группового окуривания во время средневековых эпидемий».

Существовали разные способы вхождения в «измененное состояние сознания». Осетинское молитвословие включало в себя в том числе и ритмическое подразделение произносимой речи, точное использование рифмы и ассонанса, искусное построение фразы. Особое значение для церемонии Кувда имела также поэтическая форма молитвословия. Согласно некоторым христианским исследованиям одним из способов «раскрытия» сознания было частое и ритмичное повторение молитв, при соблюдении жесткого поста. Православные монахи посредством воздержания и постоянных молитв приобретали способности к целительству и предвидению (монах Авель, Серафим Саровский и др.), переживали опыт люминофании (видение яркого божественного света, последующая трансформация в иной, трансцендентный нашему миру мир, где явлена святость). «Через Крестные Муки или Воскрешение христианин рассеивает мирское время и вливается во время изначальное и священное», – пишет М. Элиаде в своей работе «Мифы, сновидения, мистерии». О. Гуцуляк считает, что инвариантом «потери рая» человечеством есть «потеря визионерских способностей, существовавших у древних».

Шаманы Амазонии до сих пор используют в своих практиках «растения-учителя» (*plantas maestros*), одним из которых является сильное галлюциногенное средство под названием аяхуаска – отвар, основной составляющей частью которого является водная лиана *Banisteriopsis coarctata*. Разные племена бассейна реки Амазонка называют этот отвар по-разному, однако основная суть его остается неизменной – вызывание «измененного состояния сознания» с целью приобретения мистического опыта и приобщения к

сакральному знанию. К примеру, племена ма-чигенга, населяющие верховья реки Мадре де Диос называют аяхуаску «кама-рампи», что в переводе означает «умереть и воскреснуть заново». Это название наиболее точно отражает суть церемонии. Традиция аяхуаски насчитывает несколько тысячелетий. Аборигены считают, что рецепт ее приготовления был дан людям свыше. Действительно, не представляется возможной даже случайная комбинация этих двух компонентов при столь обширном разнообразии фауны, насчитывающей более восьмидесяти тысяч различных видов. Шаманы определяют четыре составляющих правильной церемонии. Это аяхуаска, место силы, шаман и Бог, хотя концепция бога в той традиции, в которой мы привыкли его обозначать в контексте с церемонией аяхуаски, на наш взгляд, у них сильно размыта. Разница в том, что структура любой церкви выстроена, прежде всего, для более удобного восприятия паствой религиозных канонов. Церемонию же шаманов можно считать надрелигиозной. Более того, в каком-то смысле она является даже прарелигиозной. Со временем опытные шаманы достигают такого уровня откровения (мастерства), что во время церемонии могут самостоятельно входить в «измененное состояние сознания», не прибегая к аяхуаске. Очень важную роль при этом играют шаманские песни – икаро, которые сопровождают церемонию и с помощью которых шаман контролирует весь ход церемонии. Пение икаро как правило сопровождается ритмом, который шаман издает с помощью некоего инструмента из связки сухих листьев, называемого чакapa. У шаманов Сибири и севера Америки функции чакapa исполняет бубен. Текст икаро обычно напоминает молитву, обращение к высшим силам, духам сельвы с просьбой испослать участникам церемонии как физического здоровья, так и познания Бога. Еще одним довольно серьезным «растением силы» для жителей Амазонии является табак, который в сельве используют исключительно в ритуальных целях, но не как продукт постоянного использования. На наш взгляд, параллели с осетинским Кувдом-молитвой напрашиваются сами по себе, если учесть, что, согласно Чочиеву, в осетинском обществе «знания сообщались в форме гимнов – заг, песен – сьаг, молитворечитаций – аргъaw, молитв – kuvd, а также... молитвотанцев – kavd, Нартиада сохранила их в контексте **kadæg**». Все изложенные элементы в том или ином виде присутствуют в религиозных традициях индейцев Амазонии. Из гимнов, которые передавались из уст в уста в поколениях жреческих семей, состо-

ит Ригведа. Гимн наряду с жертвоприношением считался одним из основных средств воздействия на божество. В состоянии мистического транса Заратустра слышал голос Ахурамазды и созерцал свои видения. Шаманами по сути были и скифские жрецы-энареи, женоподобные служители культа Афродиты-Аргимпасы, параллели с которыми можно найти и в среде осетинских жрецов – дзуары **лæгтæ**. В религиозной практике осетин было такое понятие, как куырысдзау – старики и старухи, наделенные даром пророчества, которые в новогоднюю ночь отправлялись в поле близ святилища Татартуп, где и засыпали. Во время сна душа куырысдзау покидала тело и отправлялась в путешествие на магический луг, для того, чтобы похитить сноп с горстью хлебных зерен для будущих урожаев. В осетинской музыкальной традиции присутствовали «мифологические песни-молитвы» – обращения к представителям Верхнего мира осетинской космогонии (Уастырджи, Афсати, Аларды). Большую роль в культе Ахурамазды играли песнопения, если считать, что название рая «*gago demana*» означало «дом песни».

Что касается Нартиады, то признаки шаманизма можно наблюдать в цикле о Урузмаге (превращение Урузмага в собаку), о Хамыце, жена которого превращалась в лягушку, в цикле о Сослане и Бедухе, в сказании о путешествии Сослана в страну мертвых [8]. Читая некоторые другие сюжеты сказаний, понимаешь невозможность возникновения Нартиады без существования традиции вхождения в «измененное состояние сознания». Схожие сюжеты можно найти в различных культурах мира, к примеру в мифе о Орфее, который спускается в ад, для того чтобы вернуть душу своей супруги Эвридики. Шаманской можно назвать и кончину Орфея, когда отсеченная вакханками и брошенная в реку Хеврон его голова плыла и пела до самого острова Лесбос. Впоследствии она служила оракулом. Сослан спускается в потусторонний мир на своем коне. Подобно ему Гермодр в сагах спускается в Хел верхом на коне Одина Слейпнире, для того чтобы вернуть оттуда душу Бальдра. М. Элиаде считает, что подобный способ является чисто шаманским способом перехода в другой мир. И именно поэтому в осетинской похоронной традиции умершему посвящали коня.

И все же, могла ли таинственная Хаома отразиться в Нартиаде и, как следствие, в духовной жизни осетин как один из важнейших элементов Кувда? Известно, что герои Нартиады не нуждались в жрецах, в посредниках между собой и богами, и обращались к ним напрямую. В осе-

тинских нартских сказаниях нарты делали это в том числе и с помощью молитвы-Кувда ронгом. Слово «ронг» неразрывно связано с Нартиадой, в котором оно фигурирует как излюбленный напиток нартов. О нартах также говорится, что они были «сотрапезниками богов». И здесь интересна этимология слова «ронг». Согласно В.И. Абаеву, в том древнеиранском, «скифском» диалекте, который был родоначальником осетинского, существовало слово *frapa*, отвечающее древнеиндийскому *prapa* – «дух», «душа». Значение «дух», как в латинском *spiritus*, было перенесено на «духовитые», хмельные напитки, и вообще на состояние опьянения. Вполне допустимо, что в ронге, в его мифичности и сакральности для нартов мы можем видеть отголоски Хаомы, что Хаома могла быть прообразом ронга. Очень важную роль в религиозно-магических церемониях алано-осетин играло также пиво – **æлутон**, которое обладало высоким сакральным значением. Пиво соединяло в себе плоды земли и солнца и символизировало своеобразную жертву во славу божественных сил. «Наделенное рефлексамии трехфункциональной структуры, пиво было посредником в мифологически организованном пространстве, своего рода медиатором между гармонией и хаосом, между верхней и нижней космологическими сферами». Особого внимания заслуживают описания ритуальных чаш для Кувда-молитвы. Нередко мастера, изготавливающие чаши, скрывали в них глубокий эзотерический подтекст, указывающий на архаичность священнодействия, а также на параллели с Чашей Уацамонга, описанной в Нартиаде. Отдельного рассмотрения требует и представленная для Кувда жертвенная пища как элемент церемониала, параллели с которым можно отследить в зороастризме (жертвоприношение как основа теологической медитации. – **А. Ч.**).

Осетинский Кувд невозможно было представить без исполнения участниками церемонии ритуального танца. И в этом кроется еще один способ погружения в «мистический экстаз». Некоторые исследователи (А. Чочиев) полагают, что к этому ряду можно отнести и слово *kavd* – танец. Однако В.И. Абаев рассматривает слово *кафт* исключительно как пляску, которая не несла на себе какой-либо ритуальной нагрузки. По В.И. Абаеву, этимология слова *кафт* восходит к кабардинскому *qafa* – пляска. Если говорить о каком-то церемониальном ритуале, то здесь более уместным будет применить термин «симд», – старинный хороводный массовый танец, который раньше сопровождался хоровым пением. Симд был любимым танцем

и нартских богатырей. Согласно В.И. Абаеву, «он начинался в медленном темпе и, постепенно ускоряясь, достигал такой бурной силы и стремительности, что более слабые участники рисковали в нем целостью своих конечностей». Далее В.И. Абаев пишет, что исполняющие симд «находят божью милость», что указывает на ритуальное значение симда, после чего следует цитата, которую невозможно не привести целиком: «Представляется более вероятным, что ос. *slm-* | *sem-* примыкает к груз. *sama*, *samaja*, араб., перс. *sama'*... Источником и ос. *sem-* и груз. *samaja* следует считать араб., перс. *sama'* 'ритуальный танец дервишей', 'saltatio', 'chorea', перс. *Dervishorum circulantium* (Vullers II 320), 'Musik mit Tanz als gesellschaftliches Vergnügen nach der Schmauserei' (R i 11 e r, Oriens III 145, IV 182). В практике суфийских мистиков *sama'* как сочетание музыки (вокальной, позднее инструментальной) с самозабвенной коллективной пляской получило ритуальное значение и служило средством для приведения участников в состояние мистического экстаза (Macdonald, Энциклопедия Ислама, под словом *Sama'*. – Бертельс. Основные моменты в развитии суфийской поэзии)». В.И. Абаев предлагает искать истоки осетинского хороводного массового танца «симд» в среде суфийских мистиков. Вполне возможно, что магический ритуал Кувд, элементом которого является мистический танец Симд – это далекий отголосок очень важных элементов осетинской магической практики, которые, скорее всего, были некоей «инструкцией», позволяющей войти в «измененное состояние сознания» для получения религиозного опыта.

Итак. Чисто внешне современное осетинское обрядовое пиршество Кувд – это отражение древнего мистического действия. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что молитва-Кувд и сопутствующие различные практики приобретения религиозного опыта путем вхождения в «измененное состояние сознания» (молитвословие, танец), в том числе и с помощью психоактивных веществ (суть Хаома. – **А. Ч.**) – это то самое недостающее звено, которое связывает пространство, которое мы по определению называем реальным, с сакральным. В остальных случаях все попытки дешифровки мистических переживаний, описанных древними авторами в тех же Авесте, Нартиаде, Библии, рискуют оставаться бесполезными.

Со временем сакральная суть Кувда исказилась. Сохранившаяся форма проведения церемонии далека от изначальной идеи. «Напиток силы» (суть галлюциноген), который раскрывал

сознание во время Кувда-молитвы, для того чтобы войти в «измененное состояние сознания», также трансформировался в обыкновенный алкоголь. В. Уарзиати пишет: «В народном сознании алкогольные напитки вообще и пиво в частности идентифицировались с актом жертвоприношения. В ритуально значимые моменты с их помощью осуществлялось поклонение и общение со сверхъестественными силами». Описывая традиции современной осетинской трапезы и треножный столик фынг как один из важнейших элементов осетинского Кувда – молитвы – трапезы, В. Уарзиати справедливо замечает, что у осетин «идеи и нормы, связанные с трапезой, практически не прекращали своего существования, хотя сам столик на трех ножках вышел из активного употребления. В последние десятилетия он начал возрождаться, но уже как материальная оболочка, как знак определенного этапа истории культуры, как этнический и региональный символ». Подобную ситуацию вполне обоснованно возможно спроецировать и на саму церемонию Кувда, как оболочку нечто более ценного и сакрального, со временем утраченного в прежних поколениях осетин.

М. Элиаде отмечает, что человек архаического общества «ощущает себя неразрывно связанным с Космосом и космическими ритмами, в то время как современный человек – с Историей. Однако это не означает, что в первом случае отсутствуют элементы второго, равно как и наоборот. В архаическом обществе действительно наличествует некая «форма истории», но все же преобладающим является ощущение себя частью Космоса = Природы = Божества. В то же время современное общество видит ценность в необратимой цепи исторических собы-

тий, хотя частично в нем присутствует и архаическое восприятие. Независимо от того, о каком обществе идет речь, время можно подразделить на сакральное (в разных традициях: Время Оно, Мифическое Время, Время до Времени, Время Сновидений, Время до Падения, Потерянный рай и т. п.) и профанное (обыденное) время. Первое как раз и связано с природными, космическими ритмами, тогда как второе – с историей. И так как космические ритмы цикличны и обратимы (сакральное время), а история – линейна и необратима (профанное время), мы вправе сказать, что в сознании человека архаического общества, хотя и присутствует понятие о необратимости событий, цикличность времени все же стоит на первом месте. Для современного человека опять-таки пропорция обратная».

Вполне естественно, что данная статья не может претендовать на полноценное исследование в силу многих причин. В ходе рассмотрения затронутой темы возникает гораздо больше вопросов, нежели ответов на вопросы. В конечном итоге тема «Кувда как практики достижения «измененного состояния сознания» для получения мистического опыта» оказывается намного обширнее первичной идеи, поскольку мы находимся в некоем континууме, на одной стороне которого находится материя, а на другой – сущность, которую мы называем богом. И так как связь между прошлым и настоящим не ограничивается только лишь хронологическим набором исторических фактов, на наш взгляд, существует нечто более важное, некое недостающее звено, объединяющее опыт «мистический» с опытом научным. Поиску этой связки и была посвящена данная работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элиаде М. *Аспекты мифа*. – Москва, 2010.
2. *Осетинская этнографическая энциклопедия*. – Владикавказ, 2013.
3. Уарзиати В.С. *Избранные труды. Книга первая*. – М.: Проект-Пресс, 2006.
4. Абаев В.И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. – М.-Л., 1958. Т.1.
5. Чочиев А.Р. *Феномен топ и субстанция ид в системе ариас-аланской философии, веры и мистики*. – Дзæуджыхъæу: Ирстон, 2001.
6. Элиаде М. *История веры и религиозных идей. Заратуштра и религия иранцев*. – М. Т. 1.
7. *Мифы народов мира*. – М., 1988.
8. *Нартиада*. – Владикавказ: СОИГСИ, 2004. Т.2

KUVD MYSTERIES

A.L.Chibirov*

*Candidate of Historical Sciences, Source study Department Researcher in V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, Vladikavkaz (chibiroff@mail.ru).

Abstract. This article announces the new interpretation of the significance of ossetian ritual ceremony of Kuvd. With reference to the famous Ossetian scientists V.I. Abaev, V.S. Uarziati there is the analysis of the sacred significance of the ceremony of Kuvd, examination of feasible parallels in other religions, in Zoroastrianism particularly. Current ossetian ritual feast Kuvd on its surface is the reflection of an ancient mystic action. Kuvd - a prayer, a component of Kuvd, that is a ritual feast with sacrifice as a rule. It is the shaman ritual modified by the time, initial, archaic essence of which is retained in the name itself – “kuvd-prayer”, and which purposed to get into “alter state of consciousness” for obtaining the “mystic experience”.

Keywords: Kuvd, Zarathustra, Avesta, Haoma, Herodotus, Scythians, androgyny, Nartiada, Uruzmag, rong, simd.